

Четыре входа в городе Дамаске:
Врата судьбы, Врата пустыни,
Пещера бед, Форт страха.
О караван, страшись пройти под ними.
Страшись нарушить их молчанье песней.
Молчанье там, где умерли все птицы,
И все же кто-то свищет, словно птица¹.

Джеймс Элрой Флекер. Врата Дамаска

Книга первая

Глава 1

ГЛАВНЫМ ОБРАЗОМ О КНИГАХ

— Книги! — воскликнула Таппенс.

Это восклицание, похожее на взрыв, выдавало ее дурное настроение.

— Что ты сказала? — удивился Томми.

— Я сказала «книги».

— А-а, теперь понимаю, что ты имеешь в виду, — сказал Томас Бересфорд.

Перед Таппенс стояли три огромных ящика. Из них одна за другой извлекались на свет божий разнообразнейшие книги. Большая часть, однако, оставалась еще в ящиках.

— Просто невероятно, — сказала Таппенс.

— Ты хочешь сказать, что для них понадобится еще уйма места?

¹ Перевод Г.Р. Державина.

— Ну конечно.

— Ты собираешься поставить их все на полки?

— Сама не знаю, что я собираюсь сделать, — сказала Таппенс. — В этом вся беда. Редко кто четко себе представляет, что он собирается делать. Господи, как это скучно!

— Ты знаешь, — отозвался ее муж, — я бы сказал, что на тебя это совсем не похоже. Беда в том, что до сих пор ты всегда слишком хорошо знала, что собираешься делать..

— Просто я хочу сказать, что мы стареем. Давай уж посмотрим правде в глаза: наш с тобой ревматизм дает себя знать, в особенности когда приходится напрягаться, доставая книги с верхней полки или вынимая их из ящика; а если нагнешься, чтобы посмотреть, что лежит или стоит на нижней полке, то вдруг обнаруживаешь, что тебе совсем нелегко разогнуться.

— Да, да, — согласился Томми. — Очень точное определение нашего нынешнего состояния здоровья. Именно это ты хотела сказать?

— Совсе нет. Я начала говорить совсем не об этом, а о том, как приятно, что мы смогли наконец купить себе новый дом, именно такой, в котором нам всегда хотелось жить, такой, о котором мечтали, — разумеется, внося некоторые изменения в его планировку.

— Сломав, например, стенку, чтобы соединить две комнаты в одну, а потом пристроив к ней веранду, которую твой подрядчик будет называть лишней комнатой, а я — лоджией.

— И все это будет просто прекрасно, — твердо заявила Таппенс.

— И когда все будет закончено, этот дом станет просто неузнаваемым. Ты этого добиваешься?

— Ничего подобного. Я только хочу сказать, что, когда все будет закончено, ты придешь в совершенный восторг и поймешь, какая у тебя умная жена и какой у нее отличный вкус, прямо как у настоящей художницы.

— Прекрасно, — сказал Томми. — Постараюсь запомнить.

— Запоминать не надо, — сказала Таппенс. — Это будет неподдельный восторг.

— А какое отношение все это имеет к книгам? — поинтересовался Томми.

— Ну как же, мы привезли с собой два или три ящика с книгами, продав те, которыми не особенно дорожили, оставили только те, с которыми не могли расстаться. А эти — как их там, не могу припомнить их фамилии — словом, бывшие владельцы этого дома, — так вот, они не хотели брать с собой все свои вещи и предложили за небольшую дополнительную плату оставить кое-что нам, в том числе и книги. Ну, мы приехали, посмотрели...

— И кое-что выбрали, — подсказал Томми.

— Да. Пожалуй, не так много, как они надеялись. Мебель, картины, статуи и все прочее были просто ужасны. К счастью, ничего этого брать не пришлось, но вот когда я увидела разные книги — чего там только не было: и сказки, и детские песенки, и салонные романы. Некоторые из них я очень люби-

ла. Я и сейчас их люблю. Так приятно было увидеть самые любимые мои книги. И я решила их приобрести. Вот, например, миф об Андрокле и льве. Помню, я читала его, когда мне было восемь лет. Эндрю Лэнг.

— Скажи, пожалуйста, Таппенс, неужели ты правда умела читать в восемь лет?

— Конечно. Я научилась читать в пять. Когда я была ребенком, все дети умели читать. Нас, по-моему, даже никто не учил. Нам читали вслух, мы запоминали, где лежит книга, которая понравилась, отправлялись к шкафу — нам всегда разрешалось смотреть и брать все, что хочется, — брали книгу и начинали читать, не заботясь о том, как написано то или иное слово. Впоследствии, однако, оказалось, что это не столь уж хорошо, поскольку я так и не научилась правильно писать. А если бы года в четыре меня научили писать, то все было бы великолепно. Отец, конечно, учил меня арифметике — сложению, вычитанию и умножению, он говорил, что таблица умножения — самая полезная вещь на свете, а потом я научилась и делить тоже.

— Какой это, наверное, был умный человек!

— Не думаю, — сказала Таппенс, — просто это был очень, очень хороший и добрый человек.

— Но мы, по-моему, уклонились от темы.

— Да, конечно. Так вот, как я уже сказала, когда я подумала, что можно снова почитать про Андрокла с его львом — по-моему, этот миф был в сборнике рассказов о животных Эндрю Лэнга, — я ужасно обрадовалась. Там был еще рассказ «Один день моей жизни в Итоне», написанный учеником этой шко-

лы. Не знаю, почему мне захотелось его прочесть, но захотелось. Это одна из моих любимейших книг. Были там и классические книги — «Часы с кукушкой» и «Ферма на четырех ветрах» миссис Молсуорт...

— Ладно, достаточно, — сказал Томми. — Мне не нужен полный перечень шедевров, которыми ты увлекалась в детстве.

— Я просто хочу сказать, что теперь этих книг не достанешь. Иногда они переиздаются, но со всякими изменениями, и картинки в них другие. Знаешь, я как-то увидела «Алису в Стране чудес» и просто не могла ее узнать. Все казалось таким странным. Есть, конечно, книги, которые еще можно достать. Книги миссис Молсуорт, сборники старых сказок — «Розовые», «Голубые» и «Желтые» сказки и, конечно, более поздние, которые я читала с удовольствием. Стенли Уэйман, например, и разные другие.

— Понятно, — сказал Томми. — Ты соблазнилась. Решила, что стоит купить.

— Совершенно верно. К тому же, уверяю тебя, стоило это совсем недорого. И теперь это наши книги. Беда только в том, что их оказалось слишком много, и тех полок, которые мы заказали, определенно не хватит. Что ты скажешь насчет твоего святилища — кабинета? Найдется там место для этих книг?

— Нет, не найдется, — решительно заявил Томми. — Там не хватит места и для моих собственных.

— Господи ты боже мой! — досадливо воскликнула Таппенс. — Как ты думаешь, может быть, нужно построить для них еще одну комнату?

— Нет, — ответил Томми. — Мы должны соблюдать экономию. Только вчера мы говорили об этом. Ты помнишь?

— Это было позавчера, — уточнила Таппенс. — Со временем все меняется. Но сейчас я сделаю вот что: поставлю на эти полки книги, с которыми не могу расстаться. А остальные... о них подумаем потом. Ведь можно найти, например, детскую больницу или еще какое-нибудь учреждение, где захотят взять книги.

— Можно еще попробовать их продать.

— Не думаю, чтобы нашлись покупатели. Мне кажется, здесь нет ничего особо ценного.

— Ну, не скажи, — заметил Томми. — Вдруг среди этих книг окажется такая, о которой какой-нибудь книголюб мечтал всю жизнь?

— А пока их нужно каким-то образом разместить на полках, заглянув предварительно в каждую, чтобы установить, помню ли я ее и хочу ли иметь у себя. Нужно попробовать их рассортировать, хотя бы приблизительно — ну, ты знаешь как: приключения к приключениям, отдельно сказки, рассказы для детей, те книжки, в которых говорится о школах, где учатся непременно только богатые дети. Мне кажется, о них любил писать Л.Т. Мид. А как мы все любили «Винни-Пуха»! А еще была такая «Серая курочка», мне она страшно нравилась.

— Мне кажется, ты уже устала, — сказал Томми. — По-моему, тебе стоит сделать перерыв, оставить на время эти книги в покое.

— Может быть, я так и сделаю. Хотелось бы только заполнить полки вот на этой стене...

— Я тебе помогу.

Томми приподнял ящик, высыпал книги на пол, а потом стал набирать целые пачки и рассовывать их по полкам.

— Я подбираю их по размерам, так они будут выглядеть на полках аккуратнее, — сказал он.

— Но тогда будет полная неразбериха, — возразила Таппенс.

— Зато мы хоть сдвинемся с места. А сортировать, расставить их так, как тебе хочется, можно и позже. Займемся этим в дождливый день, когда с главными делами будет покончено.

— Вот тебе еще семь штук. Теперь осталась свободной только одна верхняя полка.

С некоторым трудом Томми забрался на стул. Таппенс протянула ему пачку книг, и он начал аккуратно расставлять их на полке. Все было хорошо, пока дело не дошло до трех последних книг, которые грохнулись на пол, слегка задев Таппенс.

— Это было больно, — сказала она.

— Ничего не мог поделать, ты мне дала слишком много книг сразу.

— Ну, теперь все выглядит великолепно, — сказала Таппенс, отступив немного назад. — А теперь, если ты положишь вот эту пачку на вторую полку снизу, вон туда, где осталось свободное место, то с этим ящиком, по крайней мере, будет покончено. Те книги, которые я разбирала сегодня утром, не

только наши, среди них есть и купленные у бывших владельцев дома. Там могут оказаться настоящие сокровища.

— Вполне возможно, — ответил Томми.

— Я надеюсь, что мы найдем сокровища. Уверена, что я обязательно что-нибудь найду. Ценную книгу, например, за которую можно получить кучу денег.

— Что же мы будем делать с этим сокровищем? Продадим?

— Думаю, придется продать, — сказала Таппенс. — Конечно, можно будет некоторое время держать ее дома, чтобы показывать знакомым. Не так чтобы хвастаться, а просто говорить: «Взгляните, какие интересные вещи мы обнаружили». Просто уверена, что нас ожидают интересные находки.

— Ты имеешь в виду какую-нибудь любимую книгу, о которой давно позабыла?

— Нет, не совсем так. Я имела в виду нечто необыкновенное, удивительное. Что-то такое, что в корне изменит нашу жизнь.

— Ах, Таппенс, — сказал Томми. — Какой у тебя удивительный ум! Боюсь, то, что мы найдем, принесет нам неисчислимые беды.

— Глупости! Всегда следует надеяться. Надежда — это великое благо, которое дарует нам жизнь. Запомнил? Я всегда полна надежд.

— Это мне прекрасно известно, — сказал Томми и вздохнул: — Мне частенько приходилось об этом сожалеть.

Глава 2

«ЧЕРНАЯ СТРЕЛА»

Миссис Томас Бересфорд поставила на полку «Часы с кукушкой» миссис Молсуорт, отыскав свободное место на третьей полке снизу. Там стояли все произведения миссис Молсуорт. Таппенс достала «Комнату с гобеленами» и задумчиво подержала ее в руках. «Ферма на четырех ветрах» — вот что можно почитать. «Ферму на четырех ветрах» она помнила не так хорошо, как «Часы с кукушкой» или «Комнату с гобеленами». Пальцы ее рассеянно перебирали страницы. Томми скоро вернется домой.

Дело у нее двигалось. Да, конечно, она скоро все закончит. Вот только бы не отвлекаться каждую минуту, а то ведь так хочется достать любимую книгу и почитать. Это приятно, но отнимает уйму времени. И когда Томми, вернувшись вечером домой, спрашивал ее, как обстоят дела, она отвечала: «О, прекрасно». Ей приходилось звать на помощь весь свой такт и изобретательность, чтобы помешать ему подняться наверх и посмотреть, как на самом деле обстоят дела на книжных полках. А времени уходило много. Чтобы обустроить новый дом, всегда требуется много времени, гораздо больше, чем поначалу рассчитываешь. Да еще рабочие, которые постоянно тебя раздражают. Электрики, например, каждый раз выражали неудовольствие по поводу того, что сами же сделали накануне, они все более расширяли поле деятельности и пробивали все новые дыры в полу, так что ничего не подозревающая хозяйка то и

дело оступалась и непременно уже не раз упала бы, если бы ее не спасал какой-нибудь сидящий под полом электрик.

— Я иногда жалею, что мы купили этот дом, а не остались у себя в Бартонс-Эйкр, — говорила Таппенс, на что Томми отвечал:

— Вспомни потолок в столовой. И чердак. А что случилось с гаражом! Слава богу, что хоть машина уцелела.

— Можно было, наверное, все это починить, — возражала Таппенс.

— Нет, нам ничего не оставалось, как заново перестроить весь дом либо переехать в другой. А здесь когда-нибудь будет очень славно, уверяю тебя. Во всяком случае, здесь у нас есть где развернуться — достаточно места для всего, что мы хотим делать.

— Когда ты говоришь: «Для всего, что мы хотим делать», — сказала Таппенс, — ты подразумеваешь место для всего того, с чем ты не можешь расстаться.

— Я тебя понимаю, — сказал Томми. — У нас слишком много вещей. Не могу с тобой не согласиться.

В этот момент Таппенс подумала: смогут ли они когда-нибудь начать наконец жить в этом доме? После переезда без конца возникали какие-то сложности. Это, конечно, относилось и к книгам.

«Как жаль, что я не была обычным ребенком, таким, как эти современные дети, — думала Таппенс. — Современные дети в четыре, пять и даже в шесть лет читать не умеют. Мне даже кажется, что они не научаются читать и в десять, и в одиннадцать

лет. Не могу понять, почему для нас это не представляло никаких трудностей. Мы все умели читать. И я, и Мартин из соседнего дома, и Дженнифер, что жила через дорогу, и Сирил, и Уинифрид. Все решительно. Не скажу, чтобы мы умели хорошо писать, а вот читать — все, что угодно. Не знаю, как мы этому научились. Спрашивали у взрослых, наверное. Читали всевозможные вывески и рекламные объявления: «Пилюльки Картера для печени», например. Мы все про них знали. Мне всегда хотелось узнать, что же это такое. Господи, о чем это я думаю? Нужно сосредоточиться на том, что я делаю!»

Она достала еще несколько книг. Минут на сорок погрузилась в чтение «Алисы в Стране чудес», а потом в «Неведомые истории» Шарлотты Янг. А потом ее рука любовно погладила потрепанный переплет «Дейзи Чейн».

«О, это непременно нужно перечитать, — сказала она себе. — Подумать только, сколько лет прошло с тех пор, как я читала это в последний раз. Господи, сколько было волнений, как я гадала, допустят ли Нормана до конфирмации или нет. А Этель, а этот дом — как он назывался, кажется, «Коксуэлл» или что-то в этом духе, — и то, что Флора была земная. Не понимаю, почему это в то время все были земные и почему считалось, что это плохо. Интересно, какие мы теперь — земные или нет?»

— Прошу прощения, мэм.

— О, ничего, — сказала Таппенс, оглянувшись на своего верного слугу Альберта, который в этот момент вошел в комнату.

— Мне показалось, что вам что-то понадобилось, мадам, и вы позвонили. Не так ли?

— Не совсем так. Просто я нечаянно нажала на звонок, когда вставала на стул, чтобы достать с полки книгу.

— Не могу ли я вам помочь, если нужно что-то достать сверху?

— Было бы неплохо, — сказала Таппенс. — Я постоянно падаю с этих стульев. У них расшатаны ножки, к тому же они ужасно скользкие.

— Вы хотите достать какую-нибудь определенную книгу?

— Понимаете, я еще не разобралась с третьей полкой. Я имею в виду третью сверху. Не знаю, что там за книги.

Альберт взобрался на стул и стал подавать ей книги, похлопав предварительно каждую, чтобы стряхнуть скопившуюся там пыль. Таппенс принимала от него книги, испытывая восторженное чувство.

— Подумать только! Знакомые книги, а я их совсем забыла. Вот «Амулет», а вот это «Новые искатели сокровищ». Прекрасные книги. Нет, не кладите их пока на полку, Альберт. Я, пожалуй, их сначала прочитаю. Две или три, по крайней мере. Ну а это что? Посмотрим. «Красная кокарда». Ну конечно, исторический роман. Очень интересно было читать. А вот еще «Под красной мантией» — все это Стенли Уэйман. Вот еще и еще. Все это, конечно, читалось, когда мне было лет десять-одиннадцать. Не удивлюсь, если здесь окажется и «Пленник Зенды». Са-

мое первое знакомство с настоящими романами. Романтические приключения принцессы Флавии. Король Руритании. Рудольф Рассендил — кажется, так его звали, этого героя, о котором я мечтала во сне.

Альберт протянул ей следующую пачку.

— Ну конечно, — сказала Таппенс. — Эти как будто бы получше. А вот еще один, более ранний. Все эти ранние романы нужно поставить вместе. Ну-ка, посмотрим, что там еще. «Остров сокровищ». Хороший роман, только я его уже перечитывала и, по-моему, видела два фильма, снятых по нему. Не люблю смотреть фильмы по романам, там все оказывается не так. О, а вот и «Похищенный». Он мне всегда нравился.

Альберт потянулся за очередной книгой, перехватил пачку, которую держал в руках, и на пол упала «Катриона», чуть не угодив в голову Таппенс.

— О, прошу меня извинить, мадам. Мне очень, очень жаль.

— Ничего страшного, — сказала Таппенс. — Не беспокойтесь. «Катриона». А еще Стивенсон там есть?

Альберт стал передавать ей книги, на сей раз более осторожно.

— «Черная стрела»! — воскликнула Таппенс в полном восторге. — «Черная стрела»! Ведь это же одна из самых первых книг, прочитанных мною. А вы наверняка ее не читали, правда? Дайте-ка вспомнить, дайте вспомнить. Да, конечно, картинка на стене, с глазами... с настоящими глазами, они так и смотрят на тебя с этой картинки. Это было замечательно. И страшно, ужасно страшно. Ну да. «Черная

стрела». О чем там говорится? Что-то насчет... ну да, кошка, собака? Нет. *Кошка, крыса и пес Лоуэл правят Англией при борове*. Боров — это, конечно, Ричард Третий. Хотя современные авторы уверяют, будто он был просто замечательный правитель, а вовсе не злодей. Но я этому не верю. И Шекспир тоже так не считал. Ведь начал же он свою пьесу монологом Ричарда, в котором тот признается, что «...бро-сился в злодейские дела»¹. Да, конечно. «Черная стрела».

— Еще подавать, мадам?

— Нет, спасибо, Альберт. Я, кажется, уже уста-ла, мне не хочется больше заниматься книгами.

— Слушаюсь. Да, кстати, звонил хозяин, сказал, что задержится на полчаса.

— Ничего страшного, — сказала Таппенс.

Она уселась в кресло, взяла «Черную стрелу», открыла книгу и погрузилась в чтение.

— Господи! — воскликнула она. — Как это заме-чательно! Я, оказывается, все забыла и теперь могу заново наслаждаться ею. Это так интересно!

Воцарилось молчание. Альберт вернулся на кух-ню. Время шло. Свернувшись калачиком в старом обтрепанном кресле, миссис Томас Бересфорд пре-давалась радостям былого, погрузившись в перипе-тии Стивенсоновой «Черной стрелы».

А в кухне тоже дело не стояло на месте: Альберт проделывал сложные манипуляции с духовкой. Подъ-ехала машина, и он пошел к боковой двери.

¹ У. Шекспир. Ричард III. (Перевод Г.Р. Державина.)

- Поставить машину в гараж, сэр?
- Не нужно, — ответил Томми. — Я сам это сделаю. Вы, наверное, заняты обедом. Я сильно опоздал?
- Не очень, сэр. Прибыли точно как обещали. Даже чуточку пораньше.
- Ах вот как. — Томми поставил машину в гараж и вошел в кухню, потирая руки. — Холодно. А где Таппенс?
- Хозяйка наверху, занимается книгами.
- Все с этими несчастными книгами?
- Сегодня она сделала гораздо больше, да еще много времени у нее ушло на чтение.
- О господи! — воскликнул Томми. — Хорошо, Альберт. Что у нас сегодня на обед?
- Филе палтуса. Скоро будет готово.
- Отлично. Будем обедать минут через пятнадцать. Я хочу сначала умыться.

Наверху Таппенс все еще сидела в кресле, поглощенная чтением «Черной стрелы». Лоб ее был слегка наморщен. Ее внимание привлекло некое обстоятельство, показавшееся ей довольно странным. Какая это страница — она быстро взглянула — шестьдесят четыре или шестьдесят пять? Не понять какая. А дело в том, что кто-то подчеркнул на этой странице некоторые слова. Над этим-то Таппенс и размышляла последние пятнадцать минут. Она не могла понять, почему были подчеркнуты эти слова. Они были разбросаны по всей странице. Создавалось впечатление, что их сначала выбрали, а потом подчеркнули прерывистой чертой красными чернилами. За-

таив дыхание, она стала читать подчеркнутые слова подряд: *«Мэтчем не мог удержаться и негромко вскрикнул. Дик вздрогнул от удивления и выпустил из рук крючок. Оба они вскочили на ноги, доставая из ножен свои шпаги и кинжалы. Эллис поднял руку. Белки его сверкали. Летт, громадный...»* — Таппенс покачала головой. В этом нет смысла. Абсолютно никакого смысла.

Она подошла к столу, где лежали ее письменные принадлежности, и взяла несколько листков из тех образцов почтовой бумаги, которые были недавно присланы Бересфордам из типографии, с тем чтобы она могла выбрать, на какой именно напечатать их новый адрес: «Лавры».

— Глупое название, — сказала Таппенс, — но ведь если постоянно его менять и давать дому новое, то письма будут теряться и пропадать.

Она выписала подчеркнутые слова на чистом листе бумаги. Теперь кое-что стало понятно.

— Вот теперь совсем другое дело, — сказала Таппенс.

Она выписала буквы на лист бумаги.

— Ах вот ты где, — внезапно раздался голос Томми. — Обед практически готов. Как продвигаются дела с книгами?

— Никак не могу разобраться с этой пачкой. Ужасно все сложно и запутанно.

— А что в ней такого сложного?

— Ты понимаешь, я нашла «Черную стрелу» Стивенсона, мне захотелось освежить ее в памяти, и я начала читать. Поначалу все шло нормально, но по-

том вдруг страницы сделались какими-то пестрыми — многие слова были подчеркнуты красными чернилами.

— Ну что ж, иногда такое случается. Необязательно красными чернилами, но люди, бывает, подчеркивают что-то в книгах. Иногда им хочется что-то запомнить или выписать и потом использовать как цитату, или что-нибудь в этом же роде. Ну, ты понимаешь, что я имею в виду.

— Понимать-то я понимаю, — сказала Таппенс, — но здесь совсем не то. Здесь, видишь ли, только буквы.

— При чем тут буквы? — спросил Томми.

— Подойди-ка сюда, — позвала его Таппенс.

Томми подошел и присел на ручку ее кресла. Он прочитал:

— «Мэтчем не мог удержаться и негромко вскрикнул. Дик вздрогнул от удивления и выпустил из рук крючок. Оба они вскочили на ноги, доставая из ножен свои шпаги...» Дальше не могу разобрать. Бред сумасшедшего, — сказал он.

— Да, — согласилась Таппенс. — Сначала я тоже так подумала. Бред. Но на самом деле это совсем не так.

Снизу раздался звон колокольчика.

— Обед подан.

— Подождет, — сказала Таппенс. — Сначала я должна тебе рассказать. Потом мы займемся этим делом более основательно, но подумай, как это странно. Я должна рассказать тебе немедленно.

— Ну ладно. Снова у тебя какая-нибудь завиральная идея?

— Ничего подобного. Просто я выписала буквы, под которыми оказались эти прерывистые красные черточки, понимаешь?.. Вот посмотри. «М» из «Мэтчем» — это первое слово, в нем подчеркнуты «М» и «Е», а дальше идут еще три или четыре слова, только они идут не подряд и никак не сочетаются между собой — их выбрали наугад и подчеркнули в них буквы, потому что им нужны были определенные буквы. В слове «вскрикнул» подчеркнуты «Р» и «И», а дальше идут «Д» и «Ж» из слова «даже», затем следует «О» из слова «вздрогнул» и «Р» из «умер», «Д» из «удивления», «А» из «начал» и «Н» из «выронил».

— Ради всего святого! — воскликнул Томми. — Остановись!

— Подожди, — сказала Таппенс. — Я должна выяснить. Теперь, когда я выписала слова с подчеркнутыми буквами на бумажку, становится ясно, видишь? Если взять подчеркнутые буквы из этих слов и сложить их по порядку, то получится то же самое, что я сделала из первых четырех: М-Е-Р-И. Эти буквы были подчеркнуты.

— Ну и что из этого?

— Получается имя Мери.

— Прекрасно, — сказал Томми. — Получается Мери. Кто-то, кого зовут Мери. Какая-нибудь изобретательная девица, которая таким образом хочет указать, что книга принадлежит ей. Люди очень часто пишут свое имя на книгах или на вещах.

— Ну ладно. А вот второе слово, которое складывается из подчеркнутых букв, это Д-Ж-О-Р-Д-А-Н.

— Вот видишь? Мери Джордан, — сказал Том-

ми. — Все вполне естественно. Теперь ты знаешь ее полное имя. Ее звали Мери Джордан.

— Но это совсем не ее книга. В самом начале написано совершенно беспомощным детским почерком «Александр». По-моему, Александр Паркинсон.

— Хорошо, но разве это имеет какое-нибудь значение?

— Конечно имеет, — сказала Таппенс.

— Пойдем обедать, я очень голоден.

— Подожди немного, — взмолилась Таппенс, — я только прочту тебе следующий кусок, там, где кончаются подчеркнутые слова — по крайней мере, на следующих четырех страницах. Слова выбраны наугад из разных мест и из разных страниц. Они не идут подряд и не имеют смысла, если поставить их рядом. Значение имеют только буквы. Вот послушай. У нас имеется М-е-р-и Д-ж-о-р-д-а-н. Это несомненно. А знаешь, что означают следующие четыре слова? У-м-е-р-л-а н-е с-в-о-е-й с-м-е-р-т-ь-ю. Хотели написать «естественной» и не знали, что пишется через два «н». Вот посмотри, что получается: *Мери Джордан умерла не своей смертью*. Понимаешь? — сказала Таппенс. — А вот и следующая фраза: *Это сделал один из нас. Мне кажется, я знаю кто*. Вот и все. Больше я ничего не нашла. Но это страшно интересно, ты не находишь?

— Послушай, Таппенс, — сказал Томми. — Ты ведь все равно ровным счетом ничего не докажешь, согласна?

— Что значит «ровным счетом»?

— Не сможешь доказать на основании своего «открытия», что здесь скрывается какая-то тайна.

— Тайна здесь, несомненно, есть, мне это ясно, — сказала Таппенс. — *Мери Джордан умерла не своей смертью. Это сделал один из нас. Мне кажется, я знаю кто.* О, Томми, ты должен признать, что все это невероятно интересно.

Глава 3

ВИЗИТ НА КЛАДБИЩЕ

— Таппенс! — окликнул жену Томми, входя в дом.

Никакого ответа. Несколько раздраженный, он взбежал вверх по лестнице и быстро пошел по коридору второго этажа. В спешке он чуть не угодил ногой в какое-то отверстие в полу и от души выругался:

— Опять эти электрики, черт бы их побрал, ни о чем не желают думать!

За несколько дней до этого с ним случилась аналогичная неприятность. Умельцы-электрики, полные оптимизма, явились целой толпой и жизнерадостно приступили к работе.

— Дело идет отлично, осталось совсем немного, — заявили они. — Вернемся после обеда.

Однако после обеда они не появились; Томми не слишком удивился. Он уже привык к общему стилю работы строителей, электриков, газовщиков и прочих специалистов. Они приходили, демонстрировали чудеса деловитости, отпускали оптимистические замечания и удалялись, чтобы принести ту или иную

необходимую им вещь. И не возвращались. Звонишь им по телефону, и всегда оказывается, что телефон этот неверный. А если попадаешь куда нужно, то выясняется, что искомый человек там не работает. Все, что тебе остается, — это двигаться с осторожностью, стараясь не сломать себе ногу, не провалиться в дыру и не причинить себе вред каким-нибудь другим способом. Боялся он главным образом за Таппенс, а не за себя. У него было больше опыта, чем у нее. А она, как ему казалось, постоянно подвергалась риску — ей ничего не стоило обвариться кипятком из чайника или обжечься, если возникнет неисправность в газовой плите. Но где же Таппенс сейчас? Он окликнул ее еще раз:

— Таппенс! Таппенс!

Томми забеспокоился. Таппенс была из числа тех людей, о которых постоянно приходится беспокоиться. Выходишь, к примеру, из дому, дав ей напоследок мудрый совет, и она торжественно обещает в точности следовать твоему совету: нет, она никуда не пойдет, разве что в лавку, купить полфунта масла — ну какая же тут может подстергать ее опасность?

— Если пойдешь за маслом *ты*, это может оказаться опасным, — возражал Томми.

— Ах, господи, — в сердцах отвечала Таппенс, — не будь идиотом.

— Я вовсе не идиот, а только мудрый, внимательный муж, который заботится о самом любимом из всех принадлежащих ему предметов. Сам не знаю, почему я это делаю.

— Потому, — отвечала Таппенс, — что я прелестная и обаятельная женщина, отличный товарищ и к тому же постоянно о тебе забочусь.

— Возможно, это и так, — парировал Томми, — однако я могу продолжить перечень твоих достоинств.

— Боюсь, мне это не доставит удовольствия, — отвечала Таппенс. — Я даже в этом уверена. У тебя, наверное, есть причины быть недовольным. Но не беспокойся. Все будет в порядке. Тебе достаточно просто окликнуть меня, когда ты вернешься домой.

Но где же она теперь?

— Вот чертовка, — сказал Томми. Он прошел в комнату наверху, туда, где он частенько прежде находил свою жену. Рассматривает, наверное, очередную детскую книжку, предположил он. Волнуется из-за каких-то дурацких слов, которые глупый ребенок подчеркнул красными чернилами. Разыскивает Мери Джордан — кто, интересно, она такая? Мери Джордан, которая умерла не своей смертью. Он невольно задумался. Фамилия людей, которые продали им дом, была Джонс. Они владели этим домом недолго, всего три или четыре года. Нет, нет, этот ребенок, которому принадлежал Стивенсон, жил гораздо раньше.

Как бы там ни было, Таппенс он в комнате не обнаружил. Не обнаружил он и книг, которые непременно валялись бы на столе или на кресле, свидетельствуя о том, что они ее заинтересовали.

— Господи, ну где же она может быть? — вопрошал Томас.

Он снова спустился вниз, окликнув ее раз или два. Ответа по-прежнему не последовало. Он осмотрел вешалку в холле. Плащ Таппенс отсутствовал. Значит, дома ее нет. Куда же она отправилась? И где Ганнибал? Том настроил свои голосовые связки на другой регистр и крикнул:

— Ганнибал! Ганнибал! Иди ко мне, мой мальчик! Собаки тоже нет.

«Ну, по крайней мере, она ушла не одна, Ганнибал с ней», — подумал Томми.

Он не мог решить, хорошо или плохо то, что с ней собака. Ганнибал, во всяком случае, не даст ее в обиду. Вопрос в том, не обидит ли он кого-нибудь из прохожих. Ганнибал был вполне дружелюбен, когда его брали с собой в гости, но вот люди, которые приходили в гости к нему, то есть входили в дом, где он жил, всегда казались ему подозрительными. Он был готов, не считаясь ни с каким риском, не только лаять, но и кусаться, если только находил нужным. Однако куда же они подевались?

Томми прошелся по улице, но не увидел ни маленькой черной собачки, ни женщины среднего роста в ярко-красном плаще. Тут он окончательно рассердился и вернулся домой.

Войдя в дом, Томми почувствовал аппетитнейший запах и быстро направился на кухню. У плиты стояла Таппенс, тотчас же обернувшаяся к нему с приветливой улыбкой.

— Вечно ты опаздываешь, — сказала она. — На обед у нас мясная запеканка. Пахнет приятно, ты не находишь? Сегодня я туда положила довольно не-

обычные вещи. Душистые травки, которые растут у нас в саду. По крайней мере, я надеюсь, что они съедобные.

— А что, если они несъедобные? — сказал Томми. — Я подозреваю, что ты нарвала белладонны или дигиталиса, который притворился наперстянкой. Скажи лучше, где ты была.

— Выводила Ганнибала.

В этот момент Ганнибал решил, что необходимо заявить о своем присутствии. Он бросился к Томми и приветствовал его так бурно, что чуть было не свалил с ног. У Ганнибала, маленькой собачки с черной блестящей шерстью, были забавные желтовато-коричневые пятнышки на заду и на обеих щеках. Это был манчестерский терьер с безукоризненной родословной, и он считал, что по аристократизму и утонченности намного превосходит всех собак, с которыми ему когда-либо доводилось встречаться.

— О господи! Я же выходил на улицу и смотрел. Где вы были? Погода не слишком приятная.

— Согласна. Густой туман, к тому же моросящий дождик. И вообще, я очень устала.

— Где вы были? Просто гуляли по улицам или заходили в магазины?

— Нет. Сегодня магазины закрываются рано. Нет... нет, мы ходили на кладбище.

— Звучит мрачно. Зачем тебе понадобилось отправиться на кладбище?

— Мне нужно было поискать могилы.

— Звучит по-прежнему мрачно, — не унимался Томми. — А как Ганнибал? Ему там понравилось?

— Ну, ему пришлось надеть поводок. Там был один человек — наверное, церковный служитель, — который то и дело заходил в церковь и сразу же выходил оттуда. Я побоялась, что он будет возражать против Ганнибала — ведь никогда не знаешь, кто не придется по вкусу нашей собачке, — и мне не хотелось пугать церковного служителя при первом же нашем появлении на кладбище.

— А что тебе нужно было на кладбище?

— О, просто посмотреть, что за люди там похоронены. Там их ужасно много. Кладбище заполнено до предела. Некоторые могилы очень старые. Захоронения относятся к девятнадцатому веку, а два или три даже еще более древние. Вот только могильные камни оказались существенно подпорченными, надписи почти совсем стерлись, так что трудно что-нибудь разобрать.

— Не могу понять, зачем тебе понадобилось идти на кладбище.

— Я провожу расследование, — сказала Таппенс.

— Что за расследование?

— Хотела посмотреть, не похоронен ли там кто-нибудь из Джорданов.

— Господи помилуй! — воскликнул Томми. — Ты все еще занимаешься этим делом? Ты искала...

— Ну как же, Мери Джордан умерла. Нам известно, что она умерла. Мы это знаем, потому что у нас есть книга, в которой сказано, что она умерла не своей смертью, но ведь ее все равно должны были где-то похоронить, разве не так?